

Артур Конан Дойл. Новые катакомбы

- Послушай, Бергер, - сказал Кеннеди. - Я хочу, чтобы ты был со мной откровенным.

Два известных исследователя истории древнего Рима сидели в уютной комнате Кеннеди, окна которой выходили на Корсо. Ночь была прохладной, и им пришлось придвинуть кресла к итальянскому камину - не слишком удачному сооружению, от которого исходило, скорее, не тепло, а душный воздух. Снаружи, под яркими зимними звездами, раскинулся современный Рим: длинная двойная цепь электрических фонарей, ослепительные огни кафе, грохот мчащихся экипажей, говор оживленной толпы на тротуарах. Но здесь, в роскошной комнате молодого английского археолога, царил только древний Рим. На стенах висели потрескавшиеся, тронутые дыханием времени осколки лепных орнаментов, по углам стояли потемневшие старинные бюсты сенаторов и полководцев. Их лица жестко и сурово смотрели на говоривших. Посередине комнаты, на столе, среди бумаг, обрывков и рисунков, разбросанных в беспорядке там и сям, стоял знаменитый макет бань Каракалла, сделанный Кеннеди. Эта реконструкция была выставлена в Берлине и вызвала огромный интерес и восхищение у знатоков. Под самым потолком были прикреплены древние амфоры, а богатый турецкий ковер увешан старинными вещами. Все они несли печать безупречной подлинности, были крайне редкими и обладали огромной ценностью. Кеннеди, хотя ему было немногим больше тридцати, пользовался европейской известностью в своей области, и, более того, у него было изрядное состояние. Богатство либо служит роковым препятствием для исследователя, либо, если он обладает целеустремленностью, дает ему огромные преимущества в борьбе за славу и признание. Кеннеди часто

поддавался соблазнам и оставлял свои занятия ради удовольствий. Он обладал острым умом, способным к целенаправленным действиям. Но эти старания часто заканчивались апатией. Его красивое лицо, высокий белый лоб, слегка хищная форма носа, чувственный рот - все отражало силу и одновременно слабость его натуры.

Его товарищ, Джулиус Бергер, был совершенно иного типа. Он происходил из необычной семьи: его отец был немец, а мать - итальянка, поэтому черты сильного Севера странно перемешались в нем с мягкой грациозностью Юга. На загорелом лице сияли голубые глаза германца, над ними возвышался массивный квадратный лоб и копна золотистых волос. Сильный, твердый подбородок был гладко выбрит. Его товарищ часто подмечал, как он порой напоминал тех древних римлян, лица которых смотрели из углов комнаты. Под грубовато-добродушной немецкой силой крылся намек на итальянскую хитрость; но его улыбка была такой открытой, а глаза такими честными, что любой понимал, что здесь сказывается происхождение, а отнюдь не истинный характер. Он был одного возраста с Кеннеди и пользовался такой же известностью. Однако ему пришлось затратить на это гораздо больше усилий. Двенадцать лет назад бедным студентом он приехал в Рим и жил на небольшую стипендию, которую присудил ему Боннский университет. Медленно и мучительно, благодаря огромной силе воли и упорству, взбирался он со ступеньки на ступеньку по лестнице признания.

Теперь он являлся членом Берлинской академии, и были все основания полагать, что ему вскоре предложат кафедру знаменитого немецкого университета. Но та целеустремленность, которая подняла его до уровня блестящего англичанина, стала причиной того, что во всем, кроме своей специальности, он стоял бесконечно ниже его. Никогда, ни на секунду он не прерывал своих занятий, чтобы дать возможность развиваться другим качествам своей натуры. И лишь тогда, когда он говорил о своем любимом предмете,

лицо его становилось одухотворенным и дышало жизнью. В остальных случаях он был молчалив и неловок и слишком болезненно ощущал свою ограниченность в других областях жизни. Он терпеть не мог светских разговоров, этого обычного убежища для людей, у которых нет своих мыслей.

И тем не менее в течение нескольких лет между этими соперниками существовали приятельские отношения, которые понемногу перерастали в дружбу. Из всех молодых ученых они оказались единственными, способными оценить друг друга. Их сблизил общие интересы и стремления, и каждый отдавал должное знаниям соперника. Постепенно к этому прибавилось и другое. Кеннеди восхищался искренностью и простотой своего товарища, а Бергер был очарован блеском и живостью ума, которые делали Кеннеди любимцем римского общества. Я говорю "делали", потому что как раз в это время репутация молодого англичанина оказалась несколько подпорченной. Дело в том, что в одной любовной истории, детали которой так никогда и не стали известны, он показал себя бессердечным и черствым человеком. Это оттолкнуло от него многих друзей. Но в том холостяцком кружке студентов и артистов, в котором он предпочитал вращаться, в таких вещах не принято было соблюдать строгий кодекс чести. И хотя кое-кто качал головой или пожимал плечами - мол, уехали вдвоем, а вернулся один - в этом кружке преобладало чувство любопытства и, возможно, зависти, но отнюдь не осуждения.

- Послушай, Бергер, - повторил Кеннеди, твердо глядя в глаза своему приятелю. - Я действительно хочу, чтобы ты был со мной откровенным.

При этих словах он показал рукой на коврик, лежащий на полу. Там стояла неглубокая плетеная корзина для фруктов - такие корзины делают в Кампаньи. Там в беспорядке лежали самые разные вещи: черепки с надписями, обрывки записей, разбитая мозаика, клочки папируса, ржавые металлические украшения. Человеку непосвященному эти предметы могли показаться просто

мусором, но специалист мгновенно распознал бы их уникальность. Кучка хлама в плетеной корзинке представляла собой одно из недостающих звеньев исторической цепи развития общества. Это был настоящий клад для исследователя. Вещи эти принес сюда немец, и теперь глаза англичанина жадно впивались в них.

- Я не буду ни во что вмешиваться. Но мне бы очень хотелось послушать твой рассказ, - продолжал он, пока Бергер медленно зажигал сигару. - Это, без сомнения, огромное открытие. Надписи произведут сенсацию во всей Европе.

- Да, ведь здесь всего несколько вещиц, а там их сотни, - сказал немец. - Их столько, что дюжина маститых ученых может всю жизнь изучать и, сравнивая их создать себе репутацию - такую же прочную, как замок Сан-Анджело.

Кеннеди сидел задумавшись, на его прекрасном лбу появились морщины, а пальцы теребили длинные красивые усы.

- Вот ты и выдал себя, Бергер, - наконец произнес он. - Твои слова могут означать только одно: ты нашел новые катакомбы.

- Я и не сомневался, что ты уже понял это, рассматривая вещицы.

- Да, они подтверждают мои предположения, а теперь твои замечания не оставили ни малейшего сомнения. Нет другого места, кроме катакомб, где можно столько всего обнаружить.

- Совершенно верно. Да в этом и нет никакой тайны. Я действительно открыл катакомбы.

- Где?

- Ну, уж это мой секрет, дорогой Кеннеди. Скажу только, они расположены так, что нет ни малейшего шанса из миллиона, что кто-нибудь еще наткнется на них. Их происхождение отличается от всех известных катакомб, и использовали их для погребения самых богатых христиан. Поэтому

эти вещи так отличаются от всего, что находили раньше. Если бы я не отдавал себе отчет, как много ты знаешь и сколько в тебе энергии, я бы, не колеблясь, рассказал тебе обо всем - разумеется, взяв слово молчать. Но, думаю, я сначала должен сделать собственный доклад об этом открытии, а уж потом вступать в такую жестокую конкуренцию.

Кеннеди любил свое дело; любил так страстно, что порой это граничило с манией. Этой страсти он был предан всецело, несмотря на все развлечения, которые свойственны богатому и ветреному молодому человеку. Он был тщеславен, но его тщеславие занимало лишь второе место по сравнению с простой чистой радостью и интересом ко всему, что касалось жизни и истории Рима. И теперь он жаждал увидеть этот новый подземный мир, который открыл его приятель.

- Послушай, Бергер, - произнес он серьезно. - Уверяю тебя, ты можешь довериться мне без колебаний. Ничто не заставит меня взяться за перо, пока я не получу твоего разрешения. Я вполне понимаю твои чувства, и считаю их совершенно естественными, но тебе действительно нечего меня бояться. С другой стороны, если ты мне не откроешь свой секрет, я начну систематические поиски и наверняка обнаружу катакомбы. В этом случае, конечно, я воспользуюсь своей находкой как захочу, поскольку не буду связан никакими обязательствами.

Бергер задумчиво улыбался, покуривая сигару.

- Я заметил, милый друг, что, когда мне хочется получить от тебя кое-какие сведения, ты далеко не всегда охотно делишься со мной.

- Скажи, Бога ради, когда это ты спрашивал меня о чем-то и я тебе не рассказал все, что знал? Помнишь, как я дал тебе материал для работы о храме Весталя?

- Ну, это было не так уж и важно. Вот интересно, если бы мне пришлось в голову задать тебе несколько личных вопросов, ответил бы тогда? Ведь эти

катакомбы для меня - дело весьма личное, и я бы хотел, чтобы ты тоже поделился со мной своим секретом.

- Не понимаю, куда ты клонишь, - пожал плечами англичанин. - Но если ты намекаешь, что расскажешь о катакомбах, если я отвечу на твой вопрос, то можешь быть уверен - отвечу на любой.

- Ну, тогда, - сказал Бергер, с наслаждением откидываясь на спинку кресла. Сделав глубокую затяжку, он пустил вверх причудливые клубы дыма, - расскажи мне все о твоих отношениях с мисс Мэри Сондерсон.

Кеннеди резко выпрямился в кресле и с гневом посмотрел на своего невозмутимого приятеля.

- Черт побери, что ты имеешь в виду? - закричал он. Что это еще за вопросы? Ты, наверное, шутишь, но это твоя самая неудачная шутка.

- Нет, я не шучу, - просто ответил Бергер. - Меня действительно интересуют кое-какие детали этого дела. Я не очень много знаю о свете, женщинах, общественной жизни и прочих подобных предметах, поэтому твой случай имеет для меня особую прелесть. Я знаю тебя, видел ее, и мне даже довелось пару раз говорить с ней. Поэтому мне хотелось бы услышать от тебя, что между вами было.

- Я не скажу ни слова.

- Ну и не надо. Просто мне захотелось посмотреть, раскроешь ли ты мне свой секрет - ведь ты считаешь, что я легко расстанусь со своей тайной о катакомбах. Ах, ты не скажешь ни слова? Право, я и не ждал другого ответа. Но тогда что же ты хочешь услышать от меня? Слышишь, часы на церкви Св. Джона бьют десять. Мне давно пора домой.

- Стой, погоди немного, Бергер, - остановил приятеля Кеннеди. - Действительно, с твоей стороны странный каприз - так стремиться узнать подробности любовной истории, которая окончилась много месяцев назад. Ты ведь знаешь, как в нашем кругу относятся к мужчине, который сначала

целуется с девушкой, а потом болтает об этом направо и налево: это величайший трус и подлец.

- Конечно, - ответил немец, собирая в корзинку свои сокровища. - Когда он говорит что-то о девушке, которую раньше никто не знал, это действительно так. Но в данном случае, и ты об этом прекрасно знаешь, дело было достаточно громким, и об этом говорил весь Рим. Поэтому вряд ли ты причинишь какой-то вред мисс Мэри Сондерсон, если поговоришь о ней со мной. Но тем не менее, я уважаю твои чувства, поэтому прощай!

- Подожди минуту, Бергер, - воскликнул Кеннеди, схватив за руку своего друга. - Мне эти катакомбы просто покоя не дают, пойми, я не могу так легко от них отказаться. Может, спросишь меня о другом - ну, что-нибудь не такое странное?

- Нет, нет, ты отказался и давай кончим с этим, - сказал Бергер, беря корзину. - Ты, без сомнения, совершенно прав, что не ответил, и я, без сомнения, тоже совершенно прав, поэтому мой дорогой Кеннеди, спокойной ночи!

Англичанин наблюдал, как Бергер направляется к выходу и уже берется за ручку двери. В это мгновение он вскочил с видом человека, который ничего не может с собой поделать.

- Задержись на минуту, старина, - воскликнул он. - По-моему, ты ведешь себя на редкость глупо, но если таковы твои условия, я вынужден принять их. Терпеть не могу болтать о девушках, но если, как ты утверждаешь, об этом и так знает весь Рим, вряд ли я расскажу тебе что-то новенькое. Ну, так что же ты хочешь узнать?

Немец вернулся назад к камину и, поставив корзинку, опустился в свое кресло.

- Можно еще сигару? - попросил он. - Большое спасибо. Никогда не курю, когда работаю, но гораздо приятнее болтать, покуривая. Итак, насчет

этой молодой леди, с которой у тебя было маленькое приключение. Что же с ней стало потом?

- Она дома, со своими родными.

- Неужели? В Англии?

- Да.

- А где именно - в Лондоне?

- Нет, в Твикинхэме.

- Прости мое любопытство, дорогой Кеннеди, видишь ли, я совершенно не сведущ в таких делах. Без сомнения, очень просто уговорить молодую леди отправиться с тобой на три недели или около этого, а затем отправить ее к родным в - как ты там называешь это место?

- Твикинхэм.

- Совершенно верно - в Твикинхэм. Но я так неопытен в этих делах, что даже не представляю, что тебя побудило решиться на эту затею. К примеру, если ты любил эту девушку, твоя любовь вряд ли могла исчезнуть за эти три недели. Поэтому я думаю, вряд ли ты ее вообще любил. Но тогда зачем весь этот скандал, который так на вредил тебе и погубил ее?

Кеннеди угрюмо смотрел на красные отблески пламени в камине.

- Конечно, ты рассуждаешь логично, - произнес он. - Любовь - большое понятие, оно включает огромное количество различных оттенков чувства. Да, она мне нравилась. Говоришь, ты видел ее - тогда поймешь, какой очаровательной она могла быть. Но все же, оглядываясь назад, я вынужден признать, что никогда не любил ее.

- Тогда, дорогой Кеннеди, зачем ты затеял все это?

- Во многом это объясняется самой прелестью приключения.

- Да ну? Разве ты так любишь приключения?

- Жизнь без них была бы слишком однообразной. Именно ради приключения я стал ухаживать за ней. В свое время я увлекся игрой: но, клянусь, нет

лучшего увлечения, чем охота за хорошенькой девушкой. Были, однако, и трудности, довольно пикантные: она была компаньонкой леди Эмили Руд, и это делало почти невозможным встретиться с ней наедине. Кроме того, существовало еще одно, самое большое препятствие, о котором я узнал довольно скоро: она была обручена.

- Mein Gott! И с кем?

- Она не называла имени.

- Думаю, никто не знает об этом. Наверное, это сделало приключение еще более соблазнительным, не так ли?

- Да, этот факт придавал ему долю пикантности. А ты разве так не считаешь?

- Говорю тебе, я в этих вещах круглый невежда.

- Старина, ты должен помнить, что яблоко, украденное с дерева соседа, всегда было слаще, чем упавшее с твоего собственного. И потом, я увидел, что нравлюсь ей.

- Как, вот так, сразу?

- Ну, конечно, нет. Понадобилось около трех месяцев, чтобы сделать подкопы и расставить ловушки. Но наконец я ее победил. Она поняла, что мой разъезд с женой, оформленный юридически, делал для меня невозможным новую женитьбу, но все равно она сама пришла, и мы прекрасно проводили время, пока все это не кончилось.

- А как же тот, другой?

Кеннеди пожал плечами.

- Я думаю, выживает сильнейший, - сказал он. - Если бы он был лучше, она бы его не бросила. Ладно, давай кончим об этом, с меня хватит.

- Еще один маленький вопрос. Как же ты избавился от нее через три недели?

- Ну, видишь ли, мы оба слегка поостыли. Она наотрез отказалась

возвращаться в Рим и встречаться со своими знакомыми. Ну, а я, конечно, не мог жить без Рима, я рвался назад к своей работе. Это была одна веская причина для разрыва. Потом ее старик- отец приехал в наш отель в Лондоне и устроил там сцену. Все это стало так неприятно, что я действительно был рад выпутаться из этого, хотя вначале ужасно скучал без нее. Ну, я надеюсь, ты никому не расскажешь о том, что услышал.

- Мой дорогой Кеннеди, я и не мечтаю повторить твой рассказ. Но то, что ты говорил, мне крайне интересно, потому что дает возможность узнать твой взгляд на жизнь, а он в корне отличается от моего: ведь я так плохо знаю людей. А теперь ты хочешь услышать о моих катакомбах. Наверное, нет смысла их описывать - все равно по описанию ты их не найдешь. Единственное, что остается, - привести тебя туда.

- Это было бы замечательно!

- Когда ты хочешь отправиться?

- Чем скорее, тем лучше. Я просто сгораю от нетерпения.

- Ну, что ж, сегодня прекрасная ночь, хотя немного свежо. Положим, мы выйдем через час. Но нужно соблюдать осторожность и держать все в глубокой тайне. Если нас увидят вдвоем, сразу заподозрят неладное.

- Да, будем осторожны, - согласился Кеннеди. - А далеко это?

- Несколько миль.

- А мы доберемся туда пешком?

- Ну, конечно, без особого труда.

- Тогда давай отправимся поскорее. Но у извозчика могут возникнуть подозрения, если он высадит нас поздней ночью в каком-нибудь глухом местечке.

- Совершенно верно. Я думаю, лучше всего встретиться в полночь у шлагбаума на дороге, что ведет к Апия. А сейчас я должен отправиться домой, чтобы захватить спички, свечи и все необходимое.

- Отлично, Бергер! Очень мило с твоей стороны, что ты посвятил меня в свою тайну. Обещаю не писать ни строчки, пока ты не напечатаешь свой доклад. Ну, до встречи! Жду тебя у шлагбаума в полночь.

Часы на всех городских башнях били полночь, и в холодном ясном воздухе стоял перезвон колоколов. Бергер, закутанный в итальянский плащ, с фонарем в руке, быстро направился к месту встречи. Кеннеди вышел из темноты и приветствовал его.

- Ты так же нетерпелив в работе, как и в любви, - смеясь, заметил немец.

- Да, я уже полчаса тебя дожидаясь.

- Надеюсь, ты не оставил за собой никаких следов?

- Ну, я не такой дурак! Но, Боже, я продрог до костей. Пошли скорее, Бергер, согреемся на ходу.

Их шаги гулко звучали по булыжной мостовой печальной дороги - всего, что осталось от самого знаменитого в мире торгового пути. Навстречу им попало только двое крестьян, везущих в Рим товар на рынок. Молодые люди шли мерным шагом. Из темноты по обе стороны дороги неясно вырисовывались огромные надгробия. Наконец, они достигли катакомб св. Каликстуса и увидели, прямо перед собой на фоне восходящей луны великолепный круглый бастион Сесилия Метелла. Здесь Бергер остановился, сделав знак рукой.

- У тебя ноги длиннее, и ты больше привык ходить, - сказал он, смеясь. - Кажется, тут недалеко есть место, где нужно свернуть. Да, вот оно, за углом траттории. Знаешь, дорожка очень узкая, может я пойду вперед, а ты - за мной?

Он уже зажег свой фонарь, и при тусклом свете они пошли по узкой извилистой тропке - такие тропинки вьются через болота Кампаньи. Освещенный луной, великий акведук Древнего Рима лежал на земле, как чудовищная гусеница. Их путь проходил под одной из высоких арок, мимо

огромного круга, выложенного кирпичом, раскрошившимся от времени - здесь когда-то была арена. Наконец Бергер остановился возле одинокого деревянного сарая.

- Надеюсь, твои катакомбы не внутри этой развалины? - воскликнул Кеннеди.

- Здесь вход в катакомбы. Для нас это надежное укрытие - никому и в голову не придет искать в таком месте.

- А хозяин знает об их существовании?

- Нет, конечно. Он как-то нашел здесь пару вещей, по которым я и определил, что его дом построен у самого входа в катакомбы. Поэтому я нанял у него сарай, и сам начал раскопки. Теперь входи и закрой за собой дверь.

Это было длинное пустое здание. Вдоль одной стены тянулись кормушки для коров. Бергер поставил фонарь на землю и обмотал его плащом так, чтобы свет падал только в одну сторону.

- В таком заброшенном месте свет может привлечь внимание, - объяснил он, - Помоги-ка сдвинуть доски.

Двое ученых сняли одну за другой несколько досок и аккуратно сложили их у стены. Внизу было квадратное отверстие и лестница; ее старые каменные ступени вели вниз, в недра земли.

- Осторожно! - закричал Бергер, когда Кеннеди, горя от нетерпения, заторопился вниз по ступенькам. - Это похоже на кроличий садок: если собьешься с пути, есть только один шанс из ста, что когда-нибудь выйдешь отсюда. Подожди, я принесу фонарь.

- Как же ты находишь дорогу, если это так трудно?

- Сначала я углублялся очень недалеко и постепенно научился запоминать дорогу. Тут есть система, но человек, потерявшийся в темноте, не сумеет ее понять. Даже сейчас, если захожу далеко, я всегда растягиваю

за собой моток веревки. Ты сам увидишь, какая трудная дорога: прежде чем ты пройдешь сотню ярдов, каждый из этих проходов разветвляется и опять делится десятки раз.

Они уже спустились футов на двадцать и теперь стояли в квадратном помещении, вырубленном из известкового туфа. Фонарь отбрасывал колеблющийся свет - снизу яркий, вверху тусклый - и освещал потрескавшиеся темные стены. В разные стороны радиусами расходились черные отверстия проходов.

- Держись-ка поближе ко мне, дружище, - посоветовал Бергер. - И не отвлекайся по дороге, потому что на этом месте, куда я тебя приведу, есть все, что ты захочешь увидеть, и даже более того. Мы сэкономим время, если пойдем прямо туда.

Он направился вниз по одному из коридоров, и англичанин заспешил за ним, не отставая ни на метр. Время от времени проход разветвлялся, но Бергер, очевидно, следовал каким-то только ему известным знакам: он ни разу не остановился, ни разу не заколебался. Повсюду вдоль стен, напоминая переполненные каюты эмигрантского корабля, покоились усопшие христиане Древнего Рима. Желтый свет, мигая, освещал ссохшиеся черты мумий, мерцал на круглых черепаках и длинных белых костях, скрещенных на лишенной плоти груди. Перед задумчивыми глазами Кеннеди мелькали какие-то надписи, погребальные сосуды, картины, ризы, ритуальная посуда - все лежало так, как их положили сюда благочестивые руки много лет назад. Даже при беглом взгляде Кеннеди было ясно, что это самые старые и богатые катакомбы. Они содержали несметное число захоронений древних римлян. Такое количество даже ему, известному ученому, никогда не доводилось видеть в одном месте.

- Слушай, а что будет, если фонарь погаснет? - вдруг спросил он, когда они быстро продвигались вперед.

- Ничего, у меня есть запасная свеча, а в кармане коробок спичек.

Кстати, Кеннеди, у тебя есть спички?

- Нет, дай мне, пожалуйста, несколько штук.

- Не беспокойся, мы не разойдемся: это исключено.

- А далеко еще идти? Мне кажется, мы прошли по крайней мере четверть мили.

- Я думаю, побольше. Да, здесь действительно несметное число захоронений - я, по крайней мере, конца им не обнаружил. Осторожно, сейчас будет трудное место, придется воспользоваться веревкой.

Он прикрепил конец бечевки к выступающему камню, а моток положил в нагрудный карман куртки, постепенно распуская его. Кеннеди убедился, что эта предосторожность была не лишней: проходы становились все более запутанными и извилистыми. Появилась целая сеть пересекающихся коридоров. Все они обрывались в большом круглом зале с квадратным пьедесталом из туфа, покрытым на одном конце мраморной плитой.

- Боже мой! - закричал в восторге Кеннеди, когда Бергер прикрепил фонарь над мраморной плитой. Да ведь это христианский алтарь - возможно, самый древний на Земле! Вот, на углу выбит маленький крест. Без сомнения, этот круглый зал использовался как церковь.

- Совершенно верно, - согласился Бергер. - Будь у меня больше времени, я бы показал тебе все захоронения в этих нишах. Здесь покоятся самые первые священники и епископы, в митрах и в полном церковном облачении. Подойди-ка сюда и убедись сам!

Кеннеди подошел поближе и уставился на страшный череп, лежавший рядом с истлевшей митрой.

- Да, это на редкость интересно, - произнес он, и его голос загредел под сводчатым склепом. - Действительно, такого мне не доводилось встречать. Посвети-ка сюда, Бергер, мне хочется рассмотреть их получше.

Но немец уже отошел в сторону и теперь стоял на другой стороне зала,

посередине желтого светового круга.

- Знаешь, сколько ложных поворотов тянется между этим залом и ступеньками, ведущими наверх? - спросил он. - Около двухсот. Без сомнения, это один из способов защиты, который применяли христиане. Один шанс из двух тысяч, что человек выберется отсюда, если даже у него есть фонарь. А найти выход в темноте, конечно, гораздо труднее.

- Ну, конечно, разумеется!

- А темнота, друг мой, это страшная штука. Я как-то поставил эксперимент. Давай-ка испытаем еще разок! - Он прикрутил фитиль фонаря, и спустя мгновение Кеннеди показалось, что невидимая рука крепко зажала ему глаза. Никогда раньше он не представлял, что такое настоящая тьма. Казалось, она давит на человека, душит его. Она была почти осязаемой и мешала телу продвигаться вперед. Он протянул руку, пытаясь оттолкнуть ее от себя.

- Ладно, хватит, Бергер, - попросил он. - Давай снова зажжем свет!

Но его приятель только засмеялся в ответ. Казалось, что в этом круглом зале смех раздается сразу со всех сторон.

- Похоже, тебе немного не по себе, дружище Кеннеди, - произнес Бергер.

- Ладно, старина, зажигай свечку! - нетерпеливо закричал Кеннеди.

- Очень странно, но я никак не могу различить по звуку, где ты стоишь. А ты можешь сказать, где я сейчас?

- Нет, кажется, что голос идет со всех сторон.

- Да, если бы не веревка, я бы даже не представлял, куда идти.

- Ну, конечно, конечно! Слушай, зажигай свет, старина, и покончим с этой глупостью.

- А ты знаешь, Кеннеди, я, кажется, понял: больше всего на свете ты любишь две вещи. Первое - приключения, а второе - препятствия. Пожалуй,

это неплохое приключение - искать выход из катакомб? А препятствием послужат темнота и две тысячи ложных поворотов, которые слегка затруднят поиски выхода. Но ты можешь не спешить, у тебя масса времени. А когда ты будешь время от времени отдыхать, подумай-ка о мисс Мэри Сондерсон, и хорошо ли ты поступил с ней.

- Дьявол, что ты имеешь в виду? - закричал Кеннеди. Он перебежал с места на место в крошечной тьме, двигаясь небольшими кругами и растопырив руки.

- Прощай, - произнес издевающийся голос. Он доносился все с того же расстояния. - Я действительно считаю, Кеннеди - даже после твоего рассказа, - что ты плохо обошелся с этой девушкой. Правда, в этой истории была маленькая деталь, которую ты, возможно, не знал. А я могу ее дополнить. Мисс Сондерсон была обручена с бедным дуралеем-ученым, которого звали Джулиус Бергер.

Раздался шорох и глухой звук шагов по каменным плитам. После этого на старую христианскую церковь упала тишина - тупая, тяжелая тишина, которая окружила Кеннеди и сомкнулась над ним: так вода поглощает тонущего человека.

х х х

Два месяца спустя во многих европейских газетах была перепечатана следующая заметка.

"Одним из самых знаменитых событий за последние годы является открытие новых римских катакомб, которые расположены на некотором расстоянии к востоку от хорошо известных захоронений св. Каликстуса. Открытие этого места погребений чрезвычайно важно, так как содержит

большое количество останков ранних христиан. Оно стало возможным благодаря энергии и проницательности д-ра Джулиуса Бергера. Этот молодой немецкий исследователь стремительно занимает ведущее место среди авторитетных ученых, изучающих историю Древнего Рима. Но, хотя д-р Бергер первым опубликовал доклад о своем открытии, выяснилось, что в поисках катакомб его опередил другой исследователь, но гораздо менее удачливый. Как известно, несколько месяцев назад известный английский ученый Кеннеди внезапно исчез из своей квартиры, расположенной на виа Корсо.

Предполагалось, что он был вынужден покинуть Рим в связи с недавним нашумевшим скандалом. Но теперь выяснилось, что в действительности он пал жертвой своей горячей любви к археологии, где занимал выдающееся место среди ученых. Его тело было найдено в самом центре новых катакомб. Судя по плачевному состоянию его ног и обуви, несчастный скитался много дней по извилистым коридорам, которые делают эти подземные захоронения такими опасными для исследователей. Как было обнаружено, покойный джентльмен с непонятной опрометчивостью отправился в подземный лабиринт, не взяв с собой ни свеч, ни спичек. Поэтому его печальная судьба была естественным следствием собственного безрассудства. Следует добавить, что д-р Джулиус Бергер был близким другом покойного, и это придает событиям еще более печальный характер. Радость д-ра Бергера по поводу выдающегося открытия, которое ему посчастливилось сделать, была в значительной степени омрачена тем несчастьем, которое произошло с его коллегой и товарищем".